

УДК 811.161.1 (075.8) Людмила Богданова

(Москва)

ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ КАК ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

У статті в рамках когнітивного підходу до опису мови розглядаються лінгвокультурні феномени "час" і "гроші". У ході дослідження з'ясовується їх ціннісний статус і уточнюється характер відношення до грошей і часу в російському соціумі.

Ключові слова: когнітивний підхід, аксіологія, цінності, гроші, час, дружба.

The article deals with a concept of time and with a concept of money in the Russian language and culture within the framework of cognitive approach. In the course of the research the emphasis is put on the attitude of Russian people towards time and money and the place of time and money in the hierarchy of Russian values and its language manifestations.

Key words: cognitive approach, axiology, values, money, time, friendship.

В задаче данной статьи входит выявление аксиологического статуса феноменов "деньги" и "время" в русской лингвокультуре. Работа выполнена на материале толковых, фразеологических и культурологических словарей русского языка.

Когнитивный подход к изучению языка, прочно завоевав свои позиции в современной лингвистике, продолжает оставаться перспективным, поскольку изучение знаний, реализующихся во фреймах и сценариях, представляет собой изучение опыта взаимодействия человека с миром – с миром вещей и миром ценностей. Язык является не только орудием для выражения оценок и ценностей, он также способен сообщать о ценностях, поскольку они закреплены в значении и употреблении слов. Именно "через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, т.е. о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т.п." [12, с. 5]. Информация о системе ценностей нередко "складируется" в метафорических концептах и моделях. Когнитивная метафора, понимаемая как средство постижения, представления и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной сфере, способна отражать национальные, культурные и даже личностные особенности мировосприятия [7; 14 и др.]. Метафора служит "тем орудием мысли, при помощи которого нам удаётся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля, <...> метафора удлиняет "руку" интеллекта" [9, с. 68]. Метафоры, которые "управляют нашим мышлением, – не просто порождения ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям" [7, с. 25].

К метафорам, которые структурируют наши ощущения и наш образ жизни, относят зафиксированные в европейской культуре метафорические проекции типа "спор – это война", "жизнь – это путешествие", "время – это деньги" и др. Лакофф и Джонсон [7] на материале английского языка выявили основные концептуальные метафоры и когнитивные модели. Однако важно показать культурную обусловленность когнитивных метафор. Далекое не всегда базовые метафорические концепты реализуются одинаково в разных языках [3]. Рассмотрим

универсальное и специфическое в метафорической проекции ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ (TIME IS MONEY) и попытаемся проверить на материале русского языка, что для русского сознания представляется более ценным: деньги или время.

Деньги – это универсальная ценность, которая бесспорно, включается в систему материальных ценностей человека. "Деньги являются не только конкретным предметом, доступным нашему восприятию, но также своего рода абстрактной сущностью, поскольку мы отождествляем их с понятиями сила, власть, свобода, горе, радость" [1, с. 309]. Что касается понятия "время", то лингвокультурный характер этой категории, её ценностный потенциал нередко остаются в тени. Так, в частности, в Проекте "Польского аксиологического словаря" (заслуживающем, кстати говоря, пристального внимания лингвистов), наряду с нравственными ценностями (добро, правда, любовь, милосердие, tozsamość – умение быть самим собой и т.д.), представлены и материальные (дом, богатство, деньги и др.), однако "время" как ценностная категория не упоминается вовсе [2, с. 129-130]. Отчасти это объяснимо. Время – понятие большой степени абстрактности, но это абстрактное понятие, как отмечает Ю.С. Степанов, "окружено моральными ассоциациями" [11, с. 248]. Язык подсказывает нам, что, хотя время по отношению к нам не очень милосердно (оно нас давит, поджимает, подгоняет, требует, не позволяет, не терпит, не ждёт...), но мы должны его беречь и ценить. Вербальное осознание времени превращает его из сопутствующего устройству мира физического обстоятельства в ценностный компонент картины мира и формирует другие культурные концепты в языковом сознании, в частности, концепт "пунктуальность" [5, с. 155].

Очевидно, что в современной жизни для многих культур индустриального общества время является ценностью, которая сопоставима с деньгами (ср. почасовая оплата труда, поминутная или посекундная тарификация телефонных разговоров, посуточная оплата гостиницы и т.д.). И деньги, и время – считающиеся сущности ("любят счёт"). Мы ощущаем и понимаем время как сущность, которую можно потратить впустую или с пользой, сохранить (сэкономить) или потерять, растратив. Ср. You're wasting my time. – Ты попусту тратишь моё время. This gadget will save you hours. – Это устройство сэкономит тебе много времени [7].

В русском языке так же, как и в английском, время интерпретируется как ценный ограниченный ресурс: время можно тратить и экономить, подобно деньгам; времени, как и денег, обычно не хватает; оно может, как и деньги, неожиданно появиться (ср. У меня появилась свободная минутка, и я тебе звоню); наконец, оно может даже кончиться, выйти (ср. Ваше время вышло – Деньги все вышли). Кроме того, время, как и деньги, можно не только потерять, но и найти: Ты сможешь найти для меня время? Есть люди, которые крадут наше время: Кто украл наше время?

Время, как и деньги, может быть предметом любви, симпатии или антипатии. В русском языке и время, и деньги могут работать на кого / что-либо (Время работает на нас).

Однако есть и лингвокультурная специфика русской метафорической модели, которая проявляется, напр., в том, что высказывания Как ты потратил своё свободное время? и Как ты провёл своё свободное время? не являются полностью эквивалентными. В данном случае потратить время воспринимается скорее негативно: в вопросе с этим глаголом содержится скрытый упрек в неразумном и нерациональном использовании времени, в то время как провести время воспринимается нейтрально, что и проявляется в переводе. В частности, предложение с английским spend в значении 'тратить' (How do you spend your time these days?) на русский язык переводится с помощью глагола провести. Как отмечается в Словаре В.И. Даля, тратить (время, деньги, слова) нередко используется в значении 'тратить даром, попусту'. Особенно отчётливо это

значение проявляется в сочетаниях с существительным трата (трата времени – пустая трата), которое в Словаре В.И. Даля определяется как 'изъян, убыток, наклад, потеря' [4].

В русском выражении провести время скрывается, как нам кажется, иллюзия возможности управления временем: человек проводит время (является "проводником времени"), а не время проводит человека. На этом строится языковая игра: Лето провело нас, мы его и не видали, не было тепла (В.И. Даль); О, как нас лето дивно провело! (Вс. Вишневский). Иллюзия возможности управления временем отражается в идее ускорения хода времени. Время нередко мыслится как животное, лошадь, которую можно подгонять и даже загнать: Клячу истории загоним (В. Маяковский). Такое понимание времени, которое человек может ускорять по своему желанию, отразилось и в обыденной речи, и в словарях: ср. так же, как, имея дело с деньгами, можно зачесть 100 рублей в уплату долга, так же и с временем – можно зачесть полгода за год [8].

В отличие от английского языка, по-русски до недавнего времени невозможно было инвестировать или вложить время во что-нибудь или в кого-нибудь (ср.: I've invested a lot of time in her). В связи с этим выражение денежные инвестиции представляется не вполне корректным: временные или какие-либо другие инвестиции в русском языке, как правило, не представлены. Ср. словарное определение: Инвестиция – 'долгосрочное вложение капитала в какое-н. предприятие, дело, а также сам такой капитал' [6]. Однако в последнее время в разговорной речи иногда используется выражение инвестировать время во что-л. Ср. Уже не хочу уходить, столько времени инвестировала в ожидание (в очереди к врачу-окулисту в поликлинике МГУ).

По-русски можно экономить время так же, как и деньги, но нельзя занять или одолжить какое-нибудь количество времени. Ср. примеры на английском языке из [7]: He is living on borrowed time. По-русски пока невозможно выразить мысль о накоплении какого-то количества времени при вполне стандартном способе выражения в английском языке: Put aside some time for ping pong [7]. Хотя в русском языке такие модели не представлены, но сама мысль о том, что к нравственным ценностям можно относиться как к экономическим, не чужда русскому сознанию: Спросите меня, что из прошлого я хотел бы получить в аренду на месяц? Не имущество, вообще не материальные ценности. Не деньги на сберкнижку хотел бы класть, а проценты с любви и дружбы получать (Т. Тыссовская, Цена настоящего слова дороже коня).

Итак, мы видим, что в английском языке категория времени осмысливается в экономических терминах более последовательно, чем в русском языке. По-видимому, некоторую асимметрию в выражении этого метафорического концепта в русском и английском языках можно объяснить тем, что представление о времени как об экономической ценности сформировалось на русской почве значительно позднее, чем в Европе. Ср., напр., с какой иронией описывает И.А. Гончаров в романе "Обломов" отношение к жизни, характерное для Андрея Штольца: Он шёл твёрдо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца (выделено мной: Л.Б.).

У русских такие качества, как расчётливость, умеренность, экономность, рациональность, вызывают неприятие, поскольку мелочиться стыдно и неприлично. (Ср. комический эффект, возникающий из-за несоответствия между стереотипным представлением о русских и указанными качествами: *с чисто русской расчётливостью, *с чисто русской рациональностью, *с чисто русской пунктуальностью, *с чисто русской экономностью...).

Известно, что "нестяжательное" отношение к деньгам – одна из самых "отчётливых духовных границ русской культуры" [11, с. 560]. Русский язык с давних времён хранит поучения, пословицы

и поговорки, выражающие негативное отношение к богатству, демонстрирующие его преходящий характер, его вредное влияние на человека: Где говорят деньги, там молчит совесть; Когда деньги говорят, тогда правда молчит; Богатство – вода, пришла и ушла; Не в деньгах счастье.

Христианские православные принципы утверждают, что деньги – это низкое и грязное в отличие от духовных помыслов и устремлений. Русские народные сказки с детства внушают мысль, что быть богатым далеко не всегда хорошо. Именно поэтому у русских складывается особое отношение к деньгам, а через них – и ко времени. Русские купцы в прошлом и "новые русские" в настоящем сначала огребают деньги лопатой, набивают карман, заколачивают бешеные деньги (бабки), а затем бросают эти шальные (шалые) деньги на ветер, пускают их в трубу, швыряют деньги, сорят деньгами. При этом русским социумом отрицательно оценивается и факт быстрого и лёгкого обогащения (нередко нечестным путём), и безрассудное расходование денег: Мужик богатый гребёт деньги лопатой; Нелегко деньги нажить, да легко прожить; У дурака в горсти дыра; Дурак легко с деньгами расстаётся. Ср. также словарные определения (выделение полужирным шрифтом в дефинициях здесь и далее наше: Л.Б.): Бешеные деньги. Разг. Экспр. Неодобр. – 'крупные суммы денег, легко доставшиеся и расходующие небережливо' [13]; – Крым, знаешь, да и вообще юг – это настоящее гнездо всех шатунов и аферистов... Тепло, море, горы, красота, деньги кругом шальные (Куприн, С улицы).

В русском языковом сознании бешеные, шальные и шалые деньги противопоставляются кровным деньгам, заработанным честным тяжёлым трудом: Даровой рубль дешёв, нажитый дорог. Ср. также: Я не видел этого мальчика с отъезда его в университет, куда он поехал на кровные деньги, добытые кровным трудом на уроках у купцов, плативших не больше трёх рублей в месяц (Г. Успенский, Разоренье).

Осуждение быстрого обогащения находим в следующих словарных дефинициях: Набивать карман. Разг. Неодобр. – 'быстрое обогащение нечестным путём' [10]; Грести лопатой. Разг. Неодобр. – 'зарабатывать, получать уйму денег. Подразумевается, что деньги достаются легко': Записался он адвокатом – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой (А. Островский, Поздняя любовь) [10]; Бросать на ветер. Разг. Неодобр. – 'тратить, расходовать бесцельно, безрассудно' [10].

Для людей западного склада, особенно протестантов, характерно бережное, рациональное отношение к деньгам и времени. Анализ языковых средств, выражающих идею времени, позволяет обнаружить различие социальных норм, отражающихся в лексике. Так, напр., в русском языке слово перерыв – гипероним, который может обозначать и перерыв на обед в магазине, и перерыв между лекциями, и перерыв во время заседания и т.п. Ср. определение в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: Перерыв – 'промежуток, на время которого прекращается какая-н. деятельность' [8]. В немецком языке, кроме гиперонимов (Unterbrechung, Pause), много слов-гипонимов, конкретизирующих, уточняющих данное значение (Unterrichtspause, Arbeitspause, Mittagspause, Tagungspause, Zwischenpause и т.д.), наличие которых отражает более детализированное представление о времени в немецкой культуре, проявляющееся, в частности, в регламентации разного рода перерывов. Различное отношение к категории времени как к культурной ценности обусловлено разными моделями восприятия времени [5]. В монохронной модели, характерной, в частности, для немецкой культуры, время членится на отрезки, которым соответствуют запланированные на это время дела. В полихронной модели (русское восприятие времени) можно делать несколько дел одновременно. Точность во времени в немецкой культуре имеет большую значимость, чем в русской культуре. При этом у русских сформировано

собственное отношение к пунктуальности, эталоном которой является немецкая точность [5, с. 162]:

Немца спрашивают:

– Что такое русский, обладающий немецкой пунктуальностью?

– Это человек, который каждый день опаздывает на работу ровно на два часа.

В Словаре В.И. Даля [4], где зафиксировано большое количество русских пословиц и поговорок, безусловно, нет заимствованного выражения "Время – деньги", зато представлены русские пословицы, указывающие на двойственное оценочное восприятие времени. С одной стороны, время – несомненная ценность: Время дороже золота; Деньги пропали – наживёшь, время пропало – не вернёшь; Время деньгу даёт, а на деньги и времени не купишь [4]. С другой стороны, ценность времени трудно оценить, поскольку оно неосознанаемая сущность, время изменчиво: Время переходчиво; День да ночь – сутки прочь; Что было, то прошло и былём поросло. Ср. также оценку времени в более современной пословице: Солдат спит, служба идёт.

Деньги, несмотря на отмеченное ранее пренебрежительное к ним отношение, ценятся, пожалуй, всё-таки выше, чем время: После Бога деньги первые; Денежка не Бог, а бережёт. Денежка дорожку прокладывает; Денежка рубль бережёт, а рубль голову стережёт; Горе – деньги, а вдвое – без денег; Хуже всех бед, когда денег нет [4]. Ср. также современные пословицы о деньгах и трансформации старых пословиц, свидетельствующие о большой значимости денег в современном обществе: Не в деньгах счастье, а в их количестве; Не учи меня жить, лучше помоги материально; Деньги – зло, причините мне его побольше; Деньги – зло. Для получения более подробной информации пришлите мне 1000 долларов; Если деньги вас не радуют, значит, они не ваши и т.п.

Кроме того, надёжный источник выявления ценностного статуса тех или иных культурных понятий – наличие оценочных номинаций, так как назвать вещь и дать ей оценку – значит осмыслить её в полном объёме. Так, в частности, на основе языковых данных можно утверждать, что растратчик денег осуждается в русском коллективе в большей степени, чем тот, кто неразумно тратит своё время. Именные номинации с негативной оценкой, такие, как расточитель, мот, транжир(а), относятся преимущественно к людям, способным растратить свои деньги или имущество, но не время. Точные наименования, обозначающие людей, неразумно и бессмысленно растрачивающих своё время, в русском языке отсутствуют (ср. прожигатель жизни – общее обозначение для людей, ведущих беспорядочный образ жизни).

Деньги проникают глубже в личную сферу русского человека, чем время, о чём свидетельствуют производные с субъективным компонентом значения. Так, с одной стороны, находим номинации денежка, денежки, деньжата с положительной оценкой. В словах деньжонки, деньжишки, прослеживается отрицательная оценка малых денег, как правило, своих, в слове деньжищи – отрицательная оценка чужих больших денег. С другой стороны, от слова время есть только одно оценочное производное слово – времечко.

Итак, деньги занимают важное место в ценностной картине мира, время ценится меньше, чем деньги. Что же им противопоставлено? Возможно, дружба.

Дружба в русском языковом сознании ценится выше, чем потраченное время, и это находит отражение в пословицах, демонстрирующих достаточно вольное обращение со временем: Был бы

друг, а время будет; Был бы друг, будет и досуг [4] и др. Считается, что русский человек дружбу, братство ценит больше, чем деньги: Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друга на деньги не купишь; Дружба дороже денег; Доброе братство дороже богатства [4] и т.д. Однако "денежный вопрос", так же, как и "квартирный", может испортить человека: Деньги портят человека. Более того, деньги способны испортить и дружбу: Друга не теряй, денег не давай; В долг давать – дружбу терять; Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег! [4]. Кроме того, деньги могут оказаться критерием проверки на истинность не только дружбы, но и любви. Ср.: Денежки в кармане – все друзья с нами; Дружба дружбой, а денежки врозь; Были девушки – любили Сеню девушки, а не стало денежек – забыли Сеню девушки; С деньгами мил, без денег постыл.

Материал показывает, что отношение к рассматриваемым феноменам далеко не однозначно в русском социуме, при этом преломление модели "время – деньги" в сознании говорящего на русском языке осложняется целым рядом факторов, к которым относятся культурные, исторические, экономические, социальные и другие специфические черты развития народа, его менталитет, система ценностей. Анализ метафорической природы обыденного сознания позволяет сделать наблюдения и выводы, касающиеся особенностей национальной образности мышления и нравственно-ценностных ориентиров, существующих в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова Н.Э. Деньги // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 304-312.
2. Бартминьский Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
3. Богданова Л.И. Концептуальная метафора в аспекте обучения иностранным языкам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия "Русский и иностранные языки и методика их преподавания". 2005. №1 (3). – С. 141-149.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. – М.: Русский язык, 1999.
5. Зубкова В.Я. Пунктуальность // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 155-164.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 68-72.
10. Словарь образных выражений русского языка. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык как орудие культуры. – М.: МГУ, 1999. – 110 с.

13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т.т. – М.: Цитадель, 1997.
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001. – 286 с.